

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ОТ АВТОРА</i>	7
ЗМЕЙ.....	9
ПРОРОЧЕСТВО.....	31
АИСТ.....	58
УЗНИК.....	80
АЛЕКСАНДРИЯ.....	104
УДАР.....	120
СТРАНСТВИЕ.....	136
ПЕРМЬ.....	153
ПЕЧАТЬ.....	184
БЕГСТВО.....	210
МУМИЯ.....	234
ЭЛЕВСИН.....	253

ОГОНЬ.....	272
ХАРОН	294
АФИНЫ.....	310
АКРОПОЛЬ.....	339
ПОКОЙ.....	356

ОТ АВТОРА

Этот роман гораздо более исторически достоверен, чем может показаться читателю. Конечно, входящие в него дневники и письма, не говоря о мысленных разговорах одних героев с другими, — плод вымысла, но кое-кто из авторов этих дневников и писем, и многие из тех, кто в них фигурирует, — реальные фигуры, действующие под собственными именами или имеющие прототипов. Обстоятельства последних лет жизни Александра I, в том числе полученная им в Брест-Литовске травма голени и его путешествие на Урал, как и детали биографий других исторических персонажей, в большинстве случаев соответствуют действительности. События Греческой войны за независимость 1820-х годов, включая обе попытки деблокировать осажденный турками афинский Акрополь, и начала правления короля Оттона I в Греции изложены, в основном, верно и датированы тем временем, когда они происходили. Герои думают, пишут и говорят о том, о чем люди тогда думали, писали и говорили, правда, делают это не совсем так, как их тогдашние двойники и современники двойников, а ведут себя часто совсем иначе. Я не ставил своей задачей реконструкцию прошлого, но, может быть, строгий читатель более снисходительно отнесется к некоторой условности рассказанной здесь истории, если будет знать, что она разворачивается в натуральных декорациях и с привлечением подлинного антуража эпохи.

ЗМЕЙ

ГРИГОРИЙ МАКСИМОВИЧ МОСЦЕПАНОВ —
*начальнику Департамента военных дел в Государственном
совете и управляющему Собственной Его Величества
канцелярией, графу АЛЕКСЕЮ АНДРЕЕВИЧУ АРАКЧЕЕВУ*
Ноябрь 1822 г.

Имею объявить особенную важную тайну, много могущую способствовать торжеству креста над полумесяцем. В общем виде готов открыть ее военному или статскому лицу по предъявлении им полномочий от вашей светлости, а полностью — лично вашей светлости или всепресветлейшему, державнейшему государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому, дышащему благом народов своих.

Пермский губернатор,
барон АНТОН КАРЛОВИЧ КРИДНЕР — графу АРАКЧЕЕВУ
Май 1823 г.

Отставной штабс-капитан Григорий Максимов Мосцепанов, 36 лет, греко-православного исповедания, из дворян

Киевской губернии. Вдовец. Проживает в Нижнетагильских заводах, владении графа Н.Н.Демидова, пребывающего ныне посланником во Флоренции, при дворе герцога Тосканского.

По выходе из Артиллерийского корпуса служил в артиллерии, отставлен с утратой пальцев на ноге. Получил место учителя в школе для солдатских детей при Охтенском пороховом заводе в Петербурге; в 1820 году приглашен графом Демидовым на ту же должность в училище Нижнетагильских заводов. Уволен из-за кляуз на управляющего С.М.Сигова и горного исправника Н.И.Платонова, которых он в прошениях к разным начальственным лицам облыжно обвинял в мздоимстве и других преступлениях и обносил не свойственными им качествами. Писал также, что они замышляют его убить. В пьянстве не замечен, у исповеди бывает, причащается. Сожительствует с мещанкой Натальей Бажиной, вдовой приказчика Бажина, у которой квартирует.

Что касается его тайны, то, хотя она, по всей вероятности, выдумана им с целью привлечь внимание высоких особ, я поручил начальнику Верхнеуральского Горного батальона, майору Чихачеву, дознаться о ней лично у Мосцепанова. Его рапорт, только он ко мне поступит, безотлагательно будет доведен до сведения вашей светлости.

Григорий Мосцепанов — *брату Матвею в Казань*
Июнь 1823 г.

Обо мне не волнуйся — те деньги, что я из жалованья откладывал, еще не вышли. В Петербурге на них не прожи-

вешь, но здесь припасы недороги, а варит мне Наталья даром. Видит, что я ее Феденьку не обижаю, учу письму и счету. Он славный мальчик. Полюбил меня, про мать и говорить нечего. Ложится она со мной по первому моему слову, хоть среди бела дня, не как жена-покойница. Перед той, бывало, неделю на коленках поползаешь, пока до себя допустит. Да и тогда лежит как в гробу, ладно, если не плачет.

От нечего делать выучился плести рамки из корневатика. Первую сплел для князя Александра Ипсиланти. В Верхотурье, в греческой лавке, увидел его на литографии: стоит в генеральском мундире, вместо одной руки — культа. Руку ему под Кульмом французы отхватили. Портрет непродажный, у хозяев на стенке висел, но они мне его даром отдали за мою любовь к их герою. В позапрошлом году он из Одессы бросил грекам клич к восстанию и сам с тысячью гетеристов пошел на турок в Валахию; был ими побит, хотел через Триест уплыть в Морею, она же Пелопоннес, но австрийцы его в тюрьму засадили. Там вокруг него камень, а тут — сосновые корешки. По неопытности сплетены криво, но, думаю, он на меня не в обиде.

Позже, руку набив, еще одну гравюру обрамил. Вклеена была в томе из училищной библиотеки, я ее оттуда выдрал, не стыдясь, что кого-то обездолил, — всё равно без меня там ученые книги читать некому. Гравирован город Афины, родина просвещения — домишки кучей, над ними каменная гора, сверху обведена стеной без башен. Фортиция не так чтобы грозна, но скала высока, крута, легко не залезешь. Выше — Парфенон, стоит инвалидом с той поры, как в нем турецкий порох взорвался. Крышу

снесло, половины колонн нет, между оставшихся ветер гуляет, а посередине турки мечеть устроили. Сейчас она пуста, но жребий войны переменчив. Не дай бог, афиняне опять услышат, как муллы поют на Акрополе! Для того ли непобедимая Афина Паллада сложила свои щит и копье к стопам Пречистой Богородицы?

Говорят, у государя денег нет воевать с султаном, — так я знаю, где их взять, и писал министру финансов, графу Гурьеву, что все уральские золотые прииски, кому бы ни принадлежали, хотя бы самому Демидову, надо перевести в казенное управление, а вместо горных исправников, которые все воры, поставить таких, как я, офицеров, уволенных от службы из-за ран и увечий. При войне с Портой эта мера в числе прочих задуманных мною нововведений немало поспособствует торжеству креста над полумесяцем.

Я стал размышлять об этом, когда по кличу Ипсиланти восстала Морейя, и султан Махмуд в самый день Светлого Воскресения приказал повесить патриарха Григория на церковных воротах, взяв его прямо от службы в пасхальных ризах. С того дня, как в “Русском инвалиде” прочел о его мученической кончине, живу с мыслью, что войны не миновать, и мне, калеке, тоже следует к ней готовиться. Греческий огонь возжегся у меня в сердце, но даже при его свете истинный мой путь не вдруг вышел из тумана.

Поначалу, не скрою, страшно было на него ступить. Перед тем, как первое прошение написать, решил еще раз обдумать последствия, и пошел возле пруда погулять. Я из тех, кому на ходу хорошо думается. Иду мимо плотины, руку в карман опустил — а там что-то круглое, твердое. Достая — грецкий орех, красной бумажкой облочен.

Сидорка Ванюков, любимый ученик, за мою к нему ласку подарил это сокровище, я его сунул в карман и забыл, — а сюртук летний, с осени ненадеванный. Сразу от души отлегло, словно Греческая земля своим плодом меня окликнула, чтобы не забывал о ее муках. Дома положил перед собой этот орех и стал писать уже без страха.

Донес губернатору, барону Криднеру, что управляющий Нижнетагильскими заводами Сигов с приказчиком Рябовым убили штейгера Прокопия Спирина, в чем покрыты горным исправником Платоновым. Он, Спирин, на речке Черемшанке золотой самородный штуф нашел и скрыл, что, конечно, против правил, но чтобы за это убивать — таких законов нигде нет, кроме как у бродяг и разбойников. Его же — в подвале морозили, ключом пальцы выворачивали, о каменные стены головой колотили, отчего он и помер, а у Платонова по бумагам выходит, будто с пьяных глаз убился, сваясь в шурф.

Второе прошение адресовал министру внутренних дел, графу Кочубею. Черновик у меня остался, списываю с него слово в слово: “В 1806 году граф Н.Н.Демидов, движимый человеколюбием, приказал устроить в Нижнетагильских заводах воспитательный дом для незаконнорожденных младенцев. Сам он ныне пребывает посланником во Флоренции, а так как управляющий Сигов, страшась раскрытия своих каверз, препятствует моей с ним переписке, извещаю обо всём усмотренном не его, а ваше превосходительство”.

Далее по пунктам:

- “1. Вместо воспитательного дома, каким его замыслил г-н владелец, Сигов выстроил избушку длиной шесть аршин, шириной того меньше. Приставленные к мла-

денцам надзирательницы или пьяны, или же уходят по своим надобностям, оставляя воспитанников без присмотра. Люлек у них нет, вместо люлек решетки из ивовых прутьев, как у нищих. Помещаются в них по двое, по трое младенцев на набитых сеном рогожных мешках. Неужели в таком богатом имении не нашлось для них подушек, белья, пелен и других необходимых принадлежностей? А какой там рев, шум! Один заплачет — и все в голос. Больной со здоровым лежат, друг от друга заражаются и умирают. А кто не умрет, на всю жизнь лишится здоровья, которое есть первейшее благо жизни. Сигов выстроил себе каменные палаты, а на дом для несчастных малюток пожалел десяти аршин земли и железа на крышу, хотя ныне царствующий монарх в манифесте 1802 года, от мая 16-го, объявил: «Дабы показать, как близки сердцу моему жертвы ожесточенного Рока, беру их под особое покровительство свое».

2. Вопреки высочайшему указу 1715 года, от ноября 12-го, велящему избирать искусных жен для сохранения зазорных младенцев, приставленные Сиговым нерадивые надзирательницы льют им в горло кипятков, состоящий из молока с водою, отчего они умирают. Крайность голода принуждает их выискивать в щелях тараканов и с жадностью их поедать, — а что в мире жалостнее младенца, который всякой помощи лишен и неминуемой гибели подвержен? Они, погибшие небрежением Сигова и горного исправника Платонова, на небесах встанут обок с невинными детьми христианскими, которые на Хиосе вырезаны были янычарами Кара-Али.

3. В здешних владениях графа Демидова проживает более 20.000 душ обоюго пола. Если из этого числа положить в год средним числом 40 подкинутых младенцев, то за 16 лет со времени учреждения воспитательного дома их должно быть не менее чем 640. Была б половина того!”

Ниже еще два пункта, но и этих довольно, чтобы понять мое направление. Всем чиновным пишу на один манер, славянские словеса, если к месту, вставляю, но старую старину не переложить. Стариной выражается добронравие, но ее избытком — самомнение.

Всего послал больше двадцати прошений — в Пермь, в губернские места, и в Петербург, в правительственные. На почту сдавал в Верхотурье, чтобы здесь не переимывали, но ответов ни от кого не получил. Прощение о воспитательном доме Кочубей переслал для разбирательства купцу Данилову, управляющему главной конторой демидовских заводов в Петербурге, а тот давно на меня зуб точил, что правды ищу через его голову. Из училища прогнали, с конторской квартиры выселили. Пожитки мои Рябов выбросил прямо на улицу, не уважая ни моего дворянского звания, ни полученного на поле чести увечья.

Я тут всем рассказываю, что пальцы на ноге мне ядром оторвало, и, хотя они лафетным колесом отдавлены, раница не велика. Так или этак, потеряны на войне, а уж в походе или в сражении, не важно. Мне их не собаки отъели, как сиговскому холую Веньке Рябову уличные псы пол-уда отгрызли, когда он, пьяный, достал его по нужде, а назад в штаны спрятать забыл и уснул ночью под забором. Если же я про штейгера Спирина написал как про мертвого, а он жив оказался, в том вина не моя, а об-